

Алексей Муравьев

КОМПРОМИСС КАК ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ ПОБЕДЫ

(Отечественные записки 2003, № 1)

Латинское слово *compromissum* и среднефранцузское *compromis* (читается компроми) происходит от глагола *compromittere*, который буквально означает «взаимно обещать, договориться», а в русской форме «компрометировать» — «поставить в трудное, неловкое положение перед третьим; выдать, продать, озадачить, посадить, опозорить, остыдить». Так определяет Даль. Ему же принадлежит определение компромисса как «соглашения, сделки, взаимных уступок». Узус определил смещение от глагольного существительного в более нейтральную часть спектра. В нынешнем понимании компромисс — почти пресловутый «консенсус», т. е. взаимоприемлемое соглашение, минимально устраивающее договаривающиеся стороны.

При этом хорошо бы учитывать, в каких условиях и благодаря каким обстоятельствам это слово оказалось «вброшено» в политический язык. Постсредневековая Европа обогатила лексикон таким понятием, как Реформация. Либерализация богословия и бытового благочестия ожесточила католиков против новых проповедников. Особенно силен был конфликт во Фландрии и Брабанте в 1560-е годы, где Католическая церковь принялась яростно преследовать кальвинистов. Оппозиционные дворяне организовались в Союз соглашения («Компромисс») и 5 апреля 1566 года подали в Брюсселе испанской наместнице короля Филиппа II Маргарите Пармской петицию с требованиями прекратить религиозные гонения, нарушения вольностей страны и созвать Генеральные штаты для решения насущных вопросов. И хотя правительство не исполнило их требований, словечко «компромисс» оказалось на устах и вошло в лексикон политиков.

Компромисс как проблема

В рамках бесконфликтных моделей общественного развития компромисс выступает почти синонимом руссоистского «общественного договора». Условность и искусственность таких моделей очевидна просто в силу специфики человеческого общества. Попытки построить методами социальной инженерии общество, свободное от крупных конфликтов, т. е. такое общество, где государство имело бы почти безграничный кредит доверия, есть форма самой бессовестной утопии. Это значит, что без конфликтов не может развиваться никакое общество. В силу этой бинарности «конфликт-компромисс» стоит по-новому попытаться сформулировать задачу компромисса как *установки* и как *политики*.

В современном обществе социальное равновесие достигается не только гарантиями свобод и относительной свободой экономической деятельности, но также и прогнозируемостью и направленностью конфликтов. Трещины, раскалывающие общество, должны пройти по заданным точкам, не повредив саму структуру. При этом установка на «управляемые конфликты», которую, как кажется, предполагает устройство «управляемого общества», делает понятие компромисса фундаментальным звеном всей конструкции. Частные компромиссы (договоренности и союзы) в таком устройстве перестают быть целью и становятся основой создания «направленных конфликтов», способных в перспективе определять глобальное общественное развитие. Выглядит это примерно так: силы и группы, стремящиеся контролировать общественную жизнь, входят в компромиссные отношения между собой и государством, чтобы определить, как, в каких формах, в каких областях и в какие моменты они будут вести взаимную борьбу. Таким образом реализуется важнейшая функция «социальной религии» (термин А. Вебера), состоящая в фиктивной идеологической борьбе. Проблема тут состоит в том, насколько безопасен подобный «политтехнологический» подход. Не чреват ли он ростом латентной конфликтной базы, вроде «подозрения в надувательстве», и в перспективе выходом на неуправляемые процессы, разрушительные для общества? Не будет ли «бесконфликтность» неким новым «*raison d'Etat*», не станет ли компромисс восприниматься как «навязанный»? Учитывая определенный «катастрофизм» (психологический настрой на глобальные потрясения) современных городских обществ, не станет ли управляемое общество собственным могильщиком?

В рамках *психологической* ориентации на компромисс, доминирующей в юридической и деловой сферах, возникает ряд специфических для этих областей вопросов. Прежде всего — об этическом содержании компромиссов. Психология человека, вовлеченного в социальную жизнь, такова, что с помощью различных психологических методик теоретически возможно склонение его к самым невероятным компромиссным решениям. Такие методики существуют, например, в рекламной деятельности, есть они и в психиатрии. Люди, пришедшие к компромиссным решениям в результате применения подобных техник, могут впоследствии пересмотреть свои решения, и в такой ситуации теряется значение достигнутого компромисса. Поскольку компромисс связан с принятием решения, в самом акте велика важность социально-психологической составляющей, включающей такие понятия, как «социальная комфортность», «тревожность», «адаптированность». Комбинации этих факторов создают опасность имперсонализации, «преодоления личности», т. е. механического использования компромиссных методов для достижения стратегических задач.

Сфера юриспруденции — одна из самых сложных сфер применения компромиссной методики. Юридические нормы находятся в постоянном изменении, кроме того, современная юриспруденция не свободна от направленного влияния со стороны различных общественных сил. Неслучайно современная ситуация часто описывается социологами как «кризис правосознания», т. е. утрата сферой права нормативного характера и осознание ее как «внешней» по отношению к обществу. Интересно, что исторически компромисс есть именно юридически выраженное согласие судящихся с решением третейского судьи. А это значит, что право организовать компромисс в юридическом смысле должно быть делегированным. Кроме того, нормативная система права, предполагающая стандартные ситуации и стандартные способы их разрешения (в том числе и т. н. «карающее правосудие»), в рамках установки на компромисс не всегда применима, так что компромисс придется распространить на сферу права гораздо глубже, нежели это обычно делается. Компромисс как форма разрешения судебного иска или сложной юридической ситуации должен быть обусловлен не только факторами приемлемости его всеми сторонами и формальным не противоречием законодательным нормам, но и этической «доброкачественностью» и прозрачностью.

В сфере бизнеса, как и в юридической области, при формулировании установки на компромисс также существует опасность обесценивания его этической составляющей, ведь, в конце концов, банальная взятка также есть некая форма компромисса. Иногда экономисты говорят о необходимости более трезвого восприятия отдельных (некритических) явлений коррупции, таких как взяточничество, nepotизм и т. д. в контексте «восточного» менталитета, но коль скоро компромисс — понятие с явными европейскими корнями, рассуждаем мы именно в рамках европейских представлений об этико-правовых аспектах. Кроме всего прочего, современный бизнес строится на основе конкурентной модели, предполагающей сначала вытеснение, а затем поглощение, что само по себе уже снижает роль этического аспекта. Можно сказать, что бизнес и политика — сферы почти безраздельного владычества цинизма и прагматизма. Именно в этих областях наиболее явно выражен бесценностный характер современного человека — веберовского Функционера, что повышает роль формальных факторов — соблюдение прав, не нанесение ущерба.

В области принципов и идей (научные представления, мировоззрение, культурные ценности, религиозные постулаты) сфера компромисса по определению минимальна, хотя частично он существует в форме преемственности и рецепции научных, религиозных идей и концепций. Наука вообще ориентирована на поиск решений и объяснений, в идеале — научной истины, т. е. конфликт в ней выступает в наиболее безобидном виде — как фактор творческий. Примирение конфликтных точек зрения в науке, как правило, происходит там, где нет и четких представлений (либо их еще нет, либо они принципиально невозможны). Религия претендует на обладание этой истиной. На этом поле в сферу компромисса попадает не столько содержательная часть принципов или религиозных убеждений, сколько их внешнее выражение. Тот факт, что на смену традиционным религиям с их духовно-душевыми абсолютами пришел новый тип религии, «социальная религия» с ее правами человека и определяемой ad hoc сферой теоретических приоритетов, не уничтожает факта наличия социальных агентов, носящих традиционные религиозные названия. Однако эти агенты действуют в рамках «социальной религии». Процесс вытеснения трансцендентальных религий старого типа может иметь выражение в форме заключаемых социально-религиозных компромиссов (участие религиозных институтов в социальных программах, например замена института замполитов в вооруженных силах полковыми священниками или муллами). Здесь есть свои проблемы: далеко не все традиционные религии старого типа готовы пойти на такую конверсию. Сам А. Вебер справедливо говорил об исламе как о религии, не готовой к такому компромиссу.

Необходимо понять, является ли такая тенденция к формализации компромисса в рамках глобализационных и информационных процессов генеральным явлением современной культуры или же она типична только для наук и религии. Возможно, путь осознания лежит через разработку моделей творческого инициирования направленных конфликтов.

Однако в сфере социального поведения и отчасти языка модель компромисса порой терпит поражение на уровне практическом: так модель «толерантности», являющаяся разработанной на основе западноевропейской, в основном немецкой, культурной традиции формой компромисса, входит в принципиальное противоречие с унаследованными от истории механизмами культурного суверенитета, да и вообще с культурной материей как таковой. Пример — вырождение толерантности в т. н. «политическую корректность». Проблема состоит в том, что безопасны лишь те формы компромисса, которые бережно относятся к принципиальным составляющим культуры, религии, национального самосознания и т.д. Содержательные компромиссы могут серьезно трансформировать общественное сознание.

Компромисс как личностная равнодействующая

Существует расхожее определение: «Компромисс — решение, которым по крайней мере один из действующих лиц доволен *меньше*, чем своим исходным желанием». При этом подразумевается, что все критерии формулируются самими действующими лицами.

Так, например, в юридическо-психологической практике есть «программа примирения» и другие аналогичные программы, которые основываются на персонализации преступления при помощи посредника, «медиатора», прошедшего специальную подготовку. Этот медиатор — отдаленный намек на функцию третейского судьи в судебном компромиссе римского права. Задача медиатора, иногда профессионала, иногда общественного добровольца, заключается в том, чтобы поставить правонарушителя и потерпевшего лицом к лицу в рамках тщательно построенной, добровольной и безопасной конфронтации. Медиатор занимает внесудебную, нейтральную позицию, не вынося какого-либо решения и не навязывая какой-либо результат. Он помогает провести обсуждение, высказать правонарушителю свое мнение и выработать примирительный договор, в соответствии с которым правонарушитель компенсирует причиненный ущерб. В т.н. карательном (современном) правосудии жертвы преступлений зачастую рассматриваются как безучастные свидетели процесса. В восстановительном правосудии они наделяются полномочиями главного участника в разрешении конфликта. Обычно жертвы сообщают после примирения, что самым главным для них в этом процессе была возможность как-то повлиять на проблему преступности, убедив данного правонарушителя больше не совершать преступления.

В области деловой и финансовой в последнее время активно обсуждается математическая модель «ненулевой суммы» в разрешении конфликтов. Впрочем, необходим детальный анализ применимости этих моделей для описания как экономической, так и политической конъюнктуры. Если представить себе возможность такого компромисса в области деловой или юридической, то неизбежным будет вопрос о появлении «нового ресурса» как результата самого компромисса. Иначе говоря, получится, что некое новое ценностное содержание генерирует *сам факт* компромисса. Пропагандистская привлекательность «ненулевых» моделей компромисса не снимает практической трудноосуществимости их.

Компромисс в социальном смысле будет уже не только формой снижения степени напряженности двухсторонних отношений (как в вышеуказанном юридическом примере или в бизнесе), но он становится многосторонним многофакторным соответственно характеру современных социальных конфликтов. Однако в вопросе «согласия» или «общего дела» компромисс перестает быть понятием социологическим, а становится понятием психологическим, ибо завязывается на личность (как на индивидуума, так и на коллектив). А личность, как считал, к примеру, П. И. Новгородцев, заключает в

себе стремления, выходящие за пределы субъективного сознания и подталкивающие его к совместному («хоровому») нравственному творчеству. Таким образом, общество есть только дополненная или расширенная личность, а личность — сжатое или сосредоточенное общество. Можно вспомнить концепцию исторического агента у Л. П. Карсавина. Карсавин, отправляясь от идей Соловьева, развивал концепцию «всеединой личности» как движущей силы истории. Таким образом, совмещая логику межличностного взаимодействия (личного компромисса), мы выходим на уровень коллективных субъектов, от которых уже прямой путь к социальному компромиссу.

Компромисс как форма разрешения социального конфликта

Как известно, именно конфликты подталкивают вперед общественное развитие. Несмотря на изобильную и местами довольно справедливую критику теории общественного (исторического) прогресса, никакой иной формы движения истории, кроме схемы «конфликт — разрешение», не существует. В рамках теории прогресса конфликт сам по себе совсем не плох, а плохо затягивание его разрешения, вызывающее стагнацию и появление новых конфликтных узлов. На этом поле компромисс представляет собой средство поворота конфликтного процесса в русло эволюционного развития. Альтернативой является употребление насилия для разрешения социальных конфликтов. В масштабах государства это революции, террор и гражданские войны. Компромиссы в политике — прежде всего паллиативные средства для недопущения выхода противоречий в стадию насильственного разрешения. В этой связи возникает ряд вопросов, относящихся к явлениям из области политических технологий и макроменеджмента, как, например, создание искусственных конфликтов, в том числе конфликтов-ингибиторов и конфликтов-катализаторов консенсусных процессов. Прежде всего, это вопросы этической обоснованности таких «вбрасываний» конфликтов, основанных на заранее достигнутых компромиссах.

В политической жизни компромиссы обычно достигаются на основе взаимовыгодных уступок, причем каждая конфликтная ситуация, как правило, решается как система уступок (в пределах обычной «нулевой суммы» на каждом отдельном уровне), хотя развившийся в постиндустриальном обществе аппарат медийного «прикрытия» вполне спокойно может преподносить ситуацию как «ненулевую». А это значит, что в фокусе оказываются проблемы технологические (вроде «правильного освещения конфликта»), что предполагает собой разбор этической составляющей. Социальная же этика — область столь запутанная, что пытаться вывести какие-то нормы, приемлемые при нахождении социальных компромиссов, кроме самых общечеловеческих, довольно затруднительно.

Компромисс в современном российском обществе

В свое время В. С. Соловьев писал, что задача государства вовсе не заключается в установлении рая на земле, оно ставит перед собой иную, хотя и не менее важную задачу — предупредить возникновение ада на земле. В социологическом смысле ад есть возрастание явлений аномии, неопишуемости социальной реальности в категориях закона, нарастание зон социальной неуправляемости и анархизации. Большинство социологов современная Россия рассматривается как общество конфликтов, насилия, кризиса, но вместе с тем — трансформации, социальных инноваций и технологий. Взаимодействие этих двух групп процессов заставляет вибрировать ткань общественной жизни. Социологам (в том числе и конфликтологам) для выведения оптимальной формулы социального развития необходимо определить, каковы векторы приложения сил общества, мотивы принятия решений социальными агентами, и соответственно этому очертить контуры компромиссной политики, которая бы сохранила общественное равновесие. По социологическим выкладкам основными мотивами принятия решений являются не утилитарные интересы и не силовое (военное) превосходство, а нарушение ранго-силового равновесия между ними и возникновение потребности выживания. Таким образом, в понятие компромисса неизбежно будет включаться сохранение условий ранго-силового равновесия и минимума конфликтности.

В середине XX века идеологи Народно-трудового союза предложили термин «солидаризм» для описания условий, на которых зиждется любая социальная общность. Можно вспомнить, что еще афинская политическая риторика в лице Демосфена охотно оперировала понятием «*ομοῖνοια*», т. е. «всеобщее согласие», предполагавшим общее действие граждан (в случае Демосфена это было сопротивление македонской экспансии). Можно отчасти говорить, что «омония» Демосфена есть предтеча идеи солидаризма. Солидаризм предполагает широкое компромиссное поле как условие общего дела, координируемого идеологической задачей, определяемой как «оптимальное социальное устройство». Впрочем, идеи НТС были лишь логическим продолжением «непредрешенческой» позиции части Белого движения. В них нашел отражение весь негативный опыт гражданского конфликта в России начала XX века. Само стремление к раю на земле, составляющее сущность либеральной утопии, чревато внутренними разрушительными факторами — это прежде всего своеобразное катастрофическое мироощущение, вызванное в общественном сознании войнами, революциями и бесчисленными неудачными социальными экспериментами. Крушение утопий вызывает кризис в области мышления, что часто принимается за крушение самого мира: за большими надеждами следуют горькие разочарования. Оптимальной почвой для такого широкого компромисса будет фактор угрозы и аксиология «статус-кво». Таким образом, моделируя компромисс в лабораторных условиях, желательно будет сузить поле возможного маневра и поместить договаривающиеся стороны в ситуацию почти «сартровского», т. е. витального выбора. Иначе говоря, ситуация угрозы извне теоретически облегчает нахождение компромиссов.

После отказа от построения «рая на земле» политика стала более реалистичной, однако теоретики метафизического направления, в частности т. н. христианской политики, склоняются к выведению определяющего фактора общественного развития за скобки.

Таким образом, компромисс имеет все шансы остаться основным термином в области разрешения деловых, юридических, психологических, политических и социальных конфликтов, хотя значение и наполнение его будут меняться. Изменения могут коснуться как «этизации»/«деэтизации» компромисса, так и тяготения его к инструментальной функции в системах развития на основе «управляемых конфликтов». Компромисс может стать одним из ключевых терминов современной политики.

